

СВИДАНИЕ С ОГИНСКИМ

ЗВЕНИТ, коловертится деревенская свадьба. Поет, заливаясь на все голоса гармошка. Нарядные девушки лихо отплясывают польки и краковяки. И вдруг все стихло. Наступившую тишину разорвал чей-то требовательный голос:

— Горько!

Статный жених наклонился к своей невесте и тронул губами ее раскрасневшиеся щеки...

— Сладко! Сладко! — пробасил все тот же голос, и опять изба содрогнулась от музыки и танца...

Видно, гости, занятые весельем, совсем не обратили внимание на опоздавшего. А он, принаряженный в белую рубашу, настойчиво пробивал себе дорогу в толпе любопытных, которые теснились в дверях в надежде не упустить самый главный момент свадьбы — поцелуй молодых.

— Осип! Дед Осип пришел! — со всех сторон послышались голоса. — Эй вы, гармонисты, тише! Осип, сыграй что-нибудь душевное.

Дед достал из глубокого кармана берестяную дудочку, приложил к губам и повел влево-вправо... Потом запрокинул седую голову, перебирая в памяти различные варианты. По всему видно, что творческий репертуар деда Осипа был на редкость богатым.

Ожила береста. А дед то втягивал впалые морщинистые щеки, то надувал их, как детские шары, неторопливо, только ему одному известной очередностью перебирал по бересте костлявыми пальцами, и немудреный дедов инструмент пел трепетным голосом. Мелодия дилась, как звонкий весенний ручей: прозрачная, нежная и ласковая, словно руки любимой.

Умолкла усталая береста.

Невеста в белоснежном платье, красивая, нарядная, стояла, прислонившись к холодному кафелю печки. По ее щекам текли слезы...

— Скажите, дедуся, а он не бросил ее? — дрожащим голосом прошептала она.

— Кого? Кто бросил? О чем ты, доченька?

— Огинский...

— Значит, ты знаешь о «Полонезе»?

— Слышала. Только не знаю, встретился ли он со своей любимой после долгой разлуки?

— Тут, невестушка, целая история: грустная и радостная. Я ее расскажу тебе. Послушай...

...Птицы уже дали свой прощальный концерт и легли на крыло. «На юг, на юг, на юг...» — курлыкали журавли под облаками. Михаил Огинский всегда выходил провожать журавлей в далекий край. Но однажды он не вышел за околицу Залесья. И журавли улетели, так и не простившись с ним. Михаил стоял у крошечного окошечка камеры-одиночки, куда за-

точили его паны за «сочувствие народу», за участие в восстании Тадеуша Костюшко. Тоска по воле сжимала до боли сердце музыканта, и в душе его рождались грустные напевы. В часы, когда менялась стража, к окошку камеры прибежала с плетеной корзинкой русоволосая, похожая на березку девушка. И каждый раз на холодный каменный пол тюремной камеры-одиночки падал через решетку букет георгинов. По преданию, родина георгинов — горы Мексики

и дарят эти цветы только сильным и мужественным людям. Несколько лет спустя, когда Михаил Огинский стал таким известным композитором, он в награду за любовь подарил той девушке прекрасный «Полонез». Впервые он сыграл свой «Полонез» при прощании, как залог того, что снова вернется к любимой. Он уехал в Польшу, чтобы возвратиться к белорусским полям и лесам, чтобы снова обнять девушку-березку. И он вернулся!

...Дед замолчал. Невеста по-прежнему стояла у печки. И чудилось ей, что видит она, как под пальцами Огинского рождаются чарующие звуки «Полонеза».

Никто не просил Осипа сыграть еще раз бессмертный «Полонез», но у всех поселилось в душе желание снова прикоснуться к прекрасному... Дед хорошо понимал это и не заставлял ждать. Он поднес к губам бересту-чародейку, и опять полились волшебные звуки «Полонеза». И уже как-то по-новому, словно старая знакомая, эта мелодия звала куда-то. И каждый боялся сплутнуть ее неосторожным движением или невпопад сказанным словом.

А звуки от этого становились еще сильнее, звонче и улетали в поля, в ночное раздолье. Над притихшей землей, которую так нежно любил Михаил Огинский, проносились свежие, вольные ветры. Они подхватывали волшебную мелодию «Полонеза» и на своих невидимых крыльях уносили ее куда-то далеко. В вечность...

И. КАЛЮТА.

